

ЭМИЛЬ БРАГИНСКИЙ

МОСКОВСКИЕ
КАНИКУЛЫ

Эмиль Брагинский

Московские каникулы

«ФТМ»

Брагинский Э. В.

Московские каникулы / Э. В. Брагинский — «ФТМ»,

«... Известно, что с собаками в салон самолета не пускают, и это безусловное хамство и дискриминация собак. Посему Лучана сдавала клетку в багаж, строго выговаривая чиновнику:— Компания «Алиталия» категорически отвечает за сохранность собаки?— Да, синьора.— Это не какая-нибудь обыкновенная собака, это особая собака! У нее шесть золотых медалей!— Да, синьора!— Более того, это любимая собака!— Разумеется, синьора!— И я решительно настаиваю, чтобы в полете...— Да, синьора! — не вовремя вставил обалдевший чиновник. Лучана мгновенно вспыхнула:— Что значит «да»? Вы не дослушали до конца, и уже «да»! И почему вы дергаетесь? Это неприлично! Чиновник почувствовал, что у него от этой милой беседы действительно задергался угол рта.— Извините, синьора! Это нервный тик. На прошлой неделе меня продуло, и никак не проходит. На Москву выход номер сорок пять. Стоило Лучане уйти, как чиновник перестал дергаться. ...»

Содержание

Эмиль Вениаминович Брагинский	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эмиль Вениаминович Брагинский

Московские каникулы

(Комедия в прозе)

Златокудых богинь, которых так любил писать Тициан, в Италии производит только один город, самый красивый на земле. Да, вы верно догадались – Венеция. Правда, древние жители этой страны говорили: «Экс визу амор», что в переводе с латыни означает: «Полюбить можно, только посмотрев».

Однако Венецию любят и те, кто, вопреки поговорке, никогда в ней не бывал, лишь видел по телевидению или в кино или читал о ней. Случается и иное. Одна уважаемая и симпатичная Дама ехала поездом в Рим. По дороге стоянка в Венеции – час с небольшим. Дама от вокзала Санта-Лючия в сопровождении спутника прошла к Канале Гранде и поднялась на мраморный мост, перекинутый через канал. Старинные дворцы не повернули к ней мудрые лица, гондольеры на длинных и узких лодках не выкрикнули приветствия, замшевый ветер равнодушно донес запах моря. Дама поморщила хорошенький носик:

– Никогда не приеду сюда специально. Венеция плохо пахнет...

Прошло лет пять. Дама с тем же спутником (такое случается) специально приехали в Венецию, чтобы пожить в ней три-четыре дня и насладиться великим городом. Дама поднялась на мраморный мост, перекинутый через Канале Гранде, остановилась, оглядела дворцы, канал, уходящий в серебряную даль, гондольеров на длинных и узких лодках, замшевый ветер донес опьяняющий запах моря.

– Я остаюсь здесь навсегда! – восторженно воскликнула Дама.

– Никогда! – возразил спутник. – Венеция плохо пахнет!

Лучана Кастеллано родилась в Венеции, ей повезло, хотя она считала иначе:

– Завидую иностранцам. Они приедут и впервые увидят Венецию!

Лучана родилась на шумной улочке, что вела от вокзала, вдоль самого большого канала, Канале Гранде, в глубь древнего города и по которой и днем и ночью бродят шумные толпы туристов. Внизу крохотного домика, по-нашему на первом этаже, у родителей Лучаны была лавка сувениров, а жила семья наверху, над ней. Однажды в лавку заглянул молодой преуспевающий адвокат из Рима. Ему приглянулся керамический кувшин – желтый с зеленой ручкой и зеленым носиком.

– Петух! – вслух решил адвокат.

– Вы правы, но это вовсе груша! – поправила юная продавщица.

Адвокат оторвал взгляд от петушиной груши, обнаружил златокудрую Лучану и погиб.

В роскошном доме, в престижном районе Рима под названием Париоли, керамический петух, похожий на грушу, или груша, которая вылитый петух, занимает почетное место рядом с антикварным фарфором и нисколько ему не проигрывает. Лучана стала женой адвоката, переименовала фамилию Кастеллано на Фарини и в роли жены богатого человека чувствовала себя столь же легко и уверенно, как и в сувенирной лавчонке, что неподалеку от вокзала Санта-Лючия в Венеции.

Однажды, в воскресенье, Лучана разбудила мужа непривычно рано, чуть ли не в семь утра, а может, и раньше:

– Ты обещал меня разбудить, Джан-Франко...

– Я поставил тебе будильник на нужное время! – пробормотал спросонья муж.

– Но ты ведь знаешь, что никакими будильниками меня не разбудить! Я выросла на улице, где кричат, поют и воют туристы! Меня надо тормошить! Почему ты меня не тормошил?

– Ты ведь проснулась, в чем проблема? – Муж приоткрыл глаза.

– Проблема в том, что на тебя нельзя положиться, почему тебе верят клиенты, неясно. А проснулась я потому, что во мне сработал инстинкт ответственности. Возможно, ты позабыл, ты вечно все забываешь, я тебе и жена, и любовница, и секретарша, что бы ты без меня делал?

– Лучана! – взмолился Джан-Франко. – Если ты не перестанешь выступать, то наверняка опоздаешь на самолет!

– А если ты позабудешь принимать таблетки, которые прописал этот бездарный, но зато дорогой врач, то я вернусь, а тебя уже нет на свете. Вот, я тебе написала записку, – Лучана сунула ее мужу, – утром перед едой две желтых, днем после еды одна синяя, вечером перед едой две красных! Повтори!

Муж повторил задание без единой ошибки.

– Что ты задерживаешь меня дурацкими таблетками, ты всегда был эгоистом, из-за тебя я опоздаю на самолет. Прощай, дорогой!

Лучана чмокнула мужа и кинулась к выходу. На улице шофер предупредительно держал открытой переднюю дверцу машины.

– Откройте заднюю. Я должна проверить, на месте ли клетка?

Шофер покорно открыл заднюю дверцу, добавив при этом:

– Она на месте, синьора!

– Обойдусь без ваших комментариев! Что я, слепая и сама не вижу клетку? Поехали! А то я из-за вас опоздаю!

После отбытия жены Джан-Франко повернулся на другой бок, потянулся всем телом и сладко заснул. Но долго блаженствовать ему не удалось. Пронзительно и противно зазвонил телефон.

Тяжко вздохнув, Джан-Франко снял телефонную трубку. Он так и знал, что это жена звонит из аэропорта.

– Ты опять дрыхнешь?

– Но сегодня воскресенье, – не выдержал муж, – и я имею право!

– Если б ты был приличным человеком, то проводил бы меня...

– Но ты сама не хотела...

– Молчи! Где записка, которую я тебе написала?

– Вот она! – сказал Джан-Франко, судорожно ища записку, куда она подевалась, черт бы ее побрал!

– Тогда скажи, когда надо принимать красные таблетки?

– Днем, перед едой! – наудачу ответил муж.

В будке телефона-автомата Лучана усмехнулась:

– Ты потрясающе врешь в суде, но совершенно не умеешь врать дома. Я знала, что ты потеряешь записку, поэтому я тебе оставила еще одну, в столовой, посередине стола. Я убрала муранскую вазу, положила записку и прижала ее твоим любимым лакированным ботинком! Принимай лекарства вовремя!

Вскоре Лучана уже шествовала по аэропорту Фиумичино в ореоле несравненной красоты и безотказного обаяния. Золотистые волосы рассыпаны по плечам, головка вздернута, подчеркивая длину гордой шеи. Походка уверенной в себе, независимой женщины и, безусловно, богатой, что прибавляет и красоты, и обаяния. Лучана толкала перед собой тележку, на которой рядом с чемоданом стояла клетка, а в ней на бархатной подушке в красном бархатном ошейнике мирно спала собака.

Известно, что с собаками в салон самолета не пускают, и это безусловное хамство и дискриминация собак. Посему Лучана сдавала клетку в багаж, строго выговаривая чиновнику:

– Компания «Алиталия» категорически отвечает за сохранность собаки?

– Да, синьора.

– Это не какая-нибудь обыкновенная собака, это особая собака! У нее шесть золотых медалей!

– Да, синьора!

– Более того, это любимая собака!

– Разумеется, синьора!

– И я решительно настаиваю, чтобы в полете...

– Да, синьора! – не вовремя вставил обалдевший чиновник.

Лучана мгновенно вспылила:

– Что значит «да»? Вы не дослушали до конца, и уже «да»! И почему вы дергаетесь? Это неприлично!

Чиновник почувствовал, что у него от этой милой беседы действительно задержался угол рта.

– Извините, синьора! Это нервный тик. На прошлой неделе меня продуло, и никак не проходит. На Москву выход номер сорок пять.

Стоило Лучане уйти, как чиновник перестал дергаться.

Теперь Лучана вышла к самому дальнему выходу, сердясь, что самолет на Москву загнали в самый дальний угол аэродрома. На Лучане был модный жилет с меховой оторочкой и сумка в руке с такой же меховой отделкой. На самой макушке держалась широкополая шляпа, из-под которой золотым потоком лились волосы. Экстравагантно, но привлекательно.

Летела Лучана, естественно, первым классом. Войдя в самолет, отдала шляпу стюардессе:

– Позаботьтесь, чтоб она не помялась!

– Да, синьора!

– Что вы все – сговорились? – неожиданно для стюардессы воскликнула Лучана, отыскивала свое место и тотчас сообщила пожилой респектабельной даме, что оказалась ее соседкой: – У меня в багаже летит собака. Как будто она не могла сидеть рядом вместо вас. Я бы ей купила билет!

Дама оживилась:

– Полностью с вами согласна, синьора! Куда только смотрит общество по охране животных! Знаете, у моей приятельницы летел в багаже ручной пингвин! Его тоже не пустили в салон, пингвин – кому он может помешать, он даже теоретически не может укусить! Так он рассказывал, что ему в багаже понравилось, там мороз, как в Антарктиде!

– Кто рассказывал? – переспросила Лучана.

– Как кто? Пингвин!

На всякий случай Лучана отвернулась от соседки и обратила взор на стюардессу:

– Милая, пригласите, пожалуйста, ко мне командира корабля!

– Извините, синьора, он занят!

– Чем он может быть занят, когда я его зову! – возмутилась Лучана.

– Он ведет самолет!

– Он что, не может оторваться?

– Боюсь, что для вас будет лучше, – позволила себе легкую иронию стюардесса, – если он этого не сделает!

– Тогда передайте вашему командиру, – снова завелась Лучана, – что компания «Алиталия» несет огромную ответственность за сохранность моей собаки, которая внизу, в багаже!

– Непременно передам, синьора!

– А командир самолета несет персональную ответственность!

– Передам дословно, синьора! Желаете что-нибудь выпить?

– Я желаю, чтоб вы немедленно отправились к вашему главному летчику и предупредили его, что в случае чего ему несдобровать!

Стюардесса вздохнула и пошла выполнять приказание вздорной пассажирки.

Как и положено по расписанию, самолет компании «Алиталия» совершил промежуточную посадку в Милане.

– Послушай, Франческо, – приказал командир старшему стюарду, – пойди проверь, что там с этой проклятой собакой этой проклятой красотки!

Франческо исчез.

– А красотка годится! – со знанием дела заметил штурман и даже облизнулся. – Вполне. Я ее видел.

– Лучше бы она ехала поездом! – отозвался командир и как в воду глядел, ибо в этот момент вернулся Франческо, а на нем, как говорится, лица не было. И трагическим голосом он произнес:

– Собака издохла! Совсем издохла!

– Вот что, Франческо, – командир корабля, как и положено командиру, мгновенно принял решение, – иди и поймай любого бродячего пса и... сам понимаешь! А я договорюсь с наземными службами и задержу вылет самолета по техническим причинам.

... В Москве в аэропорту «Шереметьево-2» Лучана прошла паспортный контроль, а затем ее провели в специальное помещение.

– Обождите, пожалуйста! – Таможенный служащий был предельно вежлив и говорил по-английски. – Сейчас вам доставят вашу собаку!

– Можете говорить по-русски, я понимаю, – с сильным акцентом, но зато без ошибок произнесла Лучана и... обмерла.

Дело в том, что рабочий подкатил тележку, на которой стояла клетка, а в ней испуганно озирался по сторонам несчастный лохматый пес.

Синьора Лучана Фарини застыла как вкопанная. Синьора Фарини впервые в жизни потеряла дар речи, и русской, и итальянской тоже.

– Что с вами? – Таможенник был корректен. – Вам нехорошо? Может быть, воды?

– Questo... questo... questo e non il mio cane... – Хозяйка собаки опомнилась и перевела на русский: – Это не моя собака!

– Не ваша? – искренне изумился таможенник. Любой бы на его месте удивился.

– Не моя. Где ваш начальник? – Лучана пришла в себя и начала скандалить. Любой бы на ее месте скандалил.

– Я начальник.

– Немедленно верните мне мою собаку, иначе...

– Вы только не нервничайте! – перебил таможенник, он же начальник. – Сейчас мы во всем разберемся. Клетка ваша?

– Sì – questo e la mia gabbia, mia... моя клетка, но в ней...

Опытный таможенный служака не дал договорить:

– Клетка ваша. А бархатная подушка?

– Подушка? Наверно, il cuscino. Подушка мой.

– Ошейник тоже ваш? – Таможенник перехватил инициативу и не желал ее отдавать.

– Ошейник, поняла, il collare, тоже мой. – Лучана пылала гневом. – Но это живая собака, а я сдавала в багаж мертвую собаку!

Начальник таможенников пошатнулся. Он был немолод, многое повидал на своем таможенном веку, но такое...

– Ну да, – выдавил он, – конечно, была собака мертвая, долетела – стала живая!

– Мама моего мужа, – Лучана стала объяснять, стиснув зубы, – русская. Она была замечательная женщина и прожила девяносто два года. Она уехала из России во время вашей революции!

– Извините, – вмешался таможенник, – но какое отношение имеет революция к вашей собаке?

– Прямое! – воскликнула Лучана. – Мама моего мужа любила мужчин, у нее было столько романов!

– Пожалуйста, короче! – строго попросил начальник.

Но Лучане было плевать на все его просьбы:

– Она любила мужчин и собак! Когда умерла, не собака, а мама моего мужа, согласно завещанию, я ее похоронила в Москве. Сейчас, три года спустя, когда ушла из жизни ее любимая собака, я решила, что справедливо похоронить ее тоже в Москве. Вам, наконец, все понятно?

– За что? – простонал начальник таможенников. – Что я вам сделал плохого?

– Верните мне мою мертвую собаку! – закричала Лучана. – У нее было шесть золотых медалей! Они до сих пор висят у меня в гостиной.

Начальнику надоела вся эта идиотская канитель:

– Хорошо! – Он повысил голос. – Эй, кто тут есть поблизости? Принесите мне нож! Сейчас мы зарежем вашу живую собаку, и она снова станет мертвая!

– Вы мерзавец! – вспыхнула Лучана. – Я давно знаю – в таможенной службе работают исключительно мерзавцы. Запомните, я это так не оставлю! Поехали, *randagio*!

На русский это слово переводится – «бродяга».

Лучана поставила чемодан на тележку рядом с клеткой и потянула тележку к выходу. Обернулась, чтобы напоследок сказать таможеннику еще парочку крепких слов, но тот уже благополучно исчез.

– Что там у вас в клетке? – машинально спросил другой таможенник, чином поменьше, дежуривший на контроле.

– Разве не видите – индийский слон! – Лучана проследовала дальше по зеленому коридору. Так именуется проход через таможенную, где нельзя задекларировать валюту, но зато не надо предъявлять багаж.

Стоило Лучане появиться в зале ожидания, как ее тотчас же атаковали шустрые, хваткие охотники за пассажирами.

– *Do you want the car?* – Всех опередил пышноволосяный малый в короткой кожаной куртке; не дожидаясь ответа Лучаны, решительно взялся за ручку тележки и резко бросил конкуренту, пытавшемуся пристроиться к Лучане с другой стороны: – Отваливай! Дама с собачкой моя!

– Гостиница «Советская»! – уже не по-английски, а вовсе по-русски сообщила адрес иностранка.

Нельзя сказать, чтобы Гриша, так звали водителя, обрадовался. Знает русский, меньше заплатит. Но ничего не попишешь. Гриша изобразил на лице улыбку радости:

– Как это ни странно, я тоже говорю по-русски!

Он уже выкатил тележку из здания аэровокзала и теперь направлялся к автостоянке.

– Мы легко договоримся – сорок пять долларов!

Это был проверенный Гришин прием – называть некруглую цифру, что удивляло иностранцев и сбивало их с толку. Однако Гриша не предполагал, что перед ним итальянка, а для нее торговаться – привычное дело.

– Двадцать! – автоматически больше чем вдвое скинула цену Лучана.

– Тридцать пять! – как бы нехотя произнес Гриша.

– Двадцать пять, или я беру другую машину! – Ледяной тон Лучаны исключал дальнейшую дискуссию. – Да, я беру другую машину! Решено!

Они стояли у странного сооружения, которое по замыслу его автора должно было называться автомобилем, но состояло с ним лишь в отдаленном родстве. Кузов принадлежал когда-то какой-то шикарной иномарке, может быть, даже «роллс-ройсу», верх... верха не было. Это

был открытый драндулет на высоких, здоровенных шинах, будто снятых с трактора, и с длинным капотом, на котором сверкали великолепные фары, которые ставят на гоночных машинах экстра-класса.

– Вам не нравится мой «мерседес»? – невинно спросил Гриша. Он уже привык к подобной реакции клиентов.

– Вы называете вот ЭТО «мерседесом»? – с издевкой переспросила Лучана, оглядываясь в поисках другой, нормальной машины.

– Пожалуйста! – Гриша пожал плечами. – Пусть будет «БМВ», если вам так больше нравится! Вы когда-нибудь ездили на подобном...

– Катафалке... – вставила Лучана. – Я знаю это слово, мне еще рано на катафалке!

За этим разговором с явным интересом наблюдал другой шофер и, понимая растерянность Лучаны, жестом приглашал ее к своей элегантной «ауди». Он был могучим детиною с лицом убийцы из американских триллеров.

Грише повезло. Убийца Лучане не понравился.

– Почему вы копаетесь? – Лучана дернула дверцу Гришиного автомобиля; она, естественно, не открывалась. – Поехали!

Гриша мгновенно справился с непокорной дверцей и помог Лучане вскарабкаться на сиденье:

– Поехали! А собачку так в клетке и повезем? Она что, кусается?

Лучана поглядела на пленника, который жалобно взирал из-за решетки:

– Кто ее знает! И вообще – держать собаку в клетке варварство!

Гриша хотел задать напрашивающийся вопрос, но, памятуя о двадцати пяти долларах, смолчал, добыл из-под своего сиденья веревку, с превеликой осторожностью открыл клетку и, рискуя собственной рукой, умудрился поддеть веревку под ошейник.

– Это у вас кобелек или сучка? – Гриша всегда разговаривал с пассажирами в легкой иронической интонации, что помогало ему сохранять достоинство и не превращаться в лакея.

– Понятия не имею, – сказала правду Лучана, а Гриша подумал, что иностранка с придурью.

Ответ на Гришин вопрос дал бедняга, выпущенный на волю. Первое, что он сделал, – поднял ногу на Гришино колесо.

– Так! – протянул Гриша. – Это кобель.

Собака все еще продолжала держать ногу поднятой. И Гриша меланхолически заметил:

– Сейчас он продырявит мне резину! Ишь сколько накопил за перелет!

– А может, он и не летал! – высказала неожиданное предположение Лучана. – Может, он сам в клетку залез или его туда запихнули! Это ведь не моя собака! У моей было шесть золотых медалей! Мы когда-нибудь поедем?

«Все! – подумал Гриша. – Наколосся! Эта ничего не заплатит, она не просто с придурью, она целиком в придуре!» – а вслух сказал:

– Конечно, у этой дворняги нет медалей, и, конечно, это не ваша собака. Просто вы любите возить с собой чужих собак. А с клеткой что будем делать?

– Выбросите ее и перестаньте болтать! – гневно перебила Лучана.

Гриша оставил клетку на произвол судьбы, мгновенно взобрался на водительское место, включил двигатель. Самое поразительное, что, оценив ситуацию, двигатель сразу завелся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.